

Светлана Алешина

Они написали убийство

Часть сборника
Они написали убийство (сборник)

Светлана Алешина
Они написали убийство
Серия «Новая русская»

Текст предоставлен правообладателем.

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6147835

Алешина С. В. Они написали убийство. Жажда острых ощущений:

Повести.: Эксмо-Пресс; Москва; 2000

ISBN 5-04-005610-9

Аннотация

«...Карташов бросил книгу на стол. Лариса тут же прочла название и фамилию автора: «Марина Николаева. Ночная кобра».

– Эта книга лежала прямо на трупе, – пояснил он. – Убийца, по всей видимости, засунул эту книгу ей под кофточку.

Василий потянулся за книгой, и выражение его глаз было каким-то бешеным.

– Марина Николаева? – спросил он как бы сам себя.

– Да, а что, вы ее знаете? – Карташов, несмотря на зубную боль, не потерял способности быстро реагировать.

– Нет, – протянул Василий. – Но...

– Что «но»?...

Содержание

Пролог	4
Глава 1	11
Глава 2	39
Глава 3	56
Конец ознакомительного фрагмента.	59

Светлана Алешина

Они написали убийство

Пролог

Чернышов открыл дверь своей квартиры, разулся на пороге и прошел в комнату. Он сразу же повалился на диван и с облегчением подумал, что ему уже не придется никуда сегодня выходить.

У него жутко болела голова, да и вообще настроение было паршивым.

«Все они, – решил он. – Эти продажные твари».

Столь нелестным эпитетом он наградил представителей санэпиднадзора, которые в последнее время стали уделять его трем коммерческим ларькам, коих он был непосредственным владельцем, слишком пристальное внимание. Конечно, можно было это внимание и погасить. Сделать это было нетрудно – просто чуть больше дать. Но Чернышову этого делать не хотелось. Потому что, если всем чуть больше давать, самому ничего не останется.

Придя к таким невеселым выводам, Чернышов нахмурился, тяжело поднялся с дивана и прошел в кухню, где в холодильнике стояли две бутылки пива. Откупорив одну из них, он вернулся в комнату и снова возлег на диван. Надо сказать,

что холодное пиво всегда действовало на него положительно. Так произошло и на этот раз.

После того как он поглотил полбутылки пива, его мысли перескочили на другую, не менее важную составляющую жизни. А именно – на женщин.

У Чернышова в принципе их было достаточно. Но ему всегда казалось, что связываются они с ним исключительно из-за денег. Это его в глубине души задевало, хотелось чего-то большего. И как ему вначале показалось, он нашел это самое «большее» в своей последней подруге.

Но нет же, выяснилось, что и она в первую очередь преследует корыстные интересы. На днях он имел возможность в этом убедиться, когда случайно увидел, как она, расхаживая в подаренном им наряде, обнимает какого-то плохо одетого молодого человека. Чернышова настолько это обозлило, что он не поленился приблизиться и даже поздороваться. Она тут же убрала руки от своего кавалера и изобразила, что связывает их друг с другом исключительно интерес к только что завершившемуся ретроспективному показу фильмов Феллини в соседнем кинотеатре.

«И чего бабам надо? – размышлял он. – Этой-то чего не хватает, ведь из помойки же, можно сказать, ее вытащил. Поганка неблагодарная!»

Чернышов включил телевизор и без особого интереса стал смотреть на экран. Шел какой-то фильм, парочка выясняла отношения, причем девушка говорила очень резко и раздра-

женно. Чернышов поморщился.

Парень на экране пытался что-то сказать в свое оправдание, но девушка постоянно перебивала его, переходя на крик. Вдруг мужчина не выдержал и, подняв руку, хлестко ударил ее по лицу. Та ахнула и схватилась за щеку.

«Так тебе и надо! – злорадно подумал Чернышов, прихлебывая пиво. – И мне свою тоже не мешало бы побить...»

В этот момент раздался звонок в дверь.

«Твою мать, кого еще несет! – выругался про себя он, идя к двери. – Может, не открывать?»

Эта здравая мысль, пришедшая в голову Дмитрию, однако, не нашла реализации, и если бы он знал, что его ждет дальше, то никогда бы не открыл.

«А вдруг это она?» – пронеслось у него в голове, и он даже не осознал, рад был бы этому или нет.

За дверью, слегка покачиваясь, стоял человек, которого Чернышов хотел бы видеть менее всего. И уж совсем не ожидал увидеть его на пороге своей квартиры. Это был тот самый юнец, любитель итальянского кино, с которым его пассия обнималась на днях в университетском парке.

– Тебе чего? – грубо спросил Дмитрий, меряя пришедшего мрачным взглядом.

– Поговорить надо, – нетвердым голосом сказал тот.

– О чем?

Парень не ответил, а, оттолкнув Чернышова плечом, прошел в комнату. Чертыхнувшись, Дмитрий прошел за ним.

– Ну? – вопросительно посмотрел он на парня.

– Речь пойдет об одной знакомой нам обоим особе. Я думаю, не нужно уточнять о ком...

– Короче, – перебил его Чернышов, допивая пиво и берясь за вторую бутылку.

Парень потер вспотевший лоб, было видно, что он очень взволнован и не может подобрать нужных слов. Он бросил взгляд на бутылку пива в руках Чернышова и предложил:

– Слушай, давай выпьем?

– Пей, – намекая на то, что угощать гостя он не собирается, коротко сказал Чернышов и демонстративно допил бутылку.

Парень вздохнул, с ненавистью взглянул на Чернышова и продолжил:

– По-моему, для тебя она – всего лишь возможность удовлетворить свои физиологические нужды. А у меня намерения серьезные.

– А я тут при чем? – нарочито равнодушно спросил Чернышов.

– При том, что ты... что ты...

– Что ты, что ты! – передразнил Чернышов и засмеялся. – Яснее говорить можешь?

Парень собрался, втянул в себя воздух и выдохнул:

– Короче, я хочу, чтобы ты оставил ее в покое.

– А если она не захочет? – с наглой уверенностью спросил Чернышов.

– Значит, ты должен объявить ей, что прекращаешь с ней отношения! Я же вижу, что никаких серьезных чувств ты к ней не испытываешь.

Чернышов хмыкнул, вынул сигарету, медленно прикурил ее, выпустил дым в лицо незваному гостю и спокойно сказал.

– Пошел на х..!

Совершенно не ожидавший подобного ответа парень вдруг вспыхнул, дернувшись вперед, и сжал кулаки. Он открыл было рот, чтобы что-то сказать, но в этот момент опять раздался звонок в дверь.

Чернышов спокойно встал, одарил гостя презрительным взглядом и пошел открывать.

На пороге стояла она. Та самая, которую он ждал и о которой, собственно, и шла речь. На ней был легкий сарафан, обнажающий спину, а волосы свободно падали на плечи.

Она радостно прыгнула Чернышову на шею и прошептала:

– Димочка, я ужасно рада тебя видеть!

Чернышов разомкнул ее руки и отошел в сторону. Девушка подняла на него удивленный взгляд.

– Почему ты меня так встречаешь? – обиженно спросила она.

– Так, это уже переходит все границы! – послышался дрожащий голос.

Из комнаты появился пунцовый от гнева парень, который с бешенством смотрел на девушку. Та увидела его, и в глазах

ее промелькнул испуг.

– Ты что здесь делаешь? – спросила она.

– Это я у тебя должен спросить! – закричал вдруг он. – Ты же обещала мне, что не придешь больше сюда!

– Я и пришла, чтобы сказать об этом, – начала оправдываться девушка.

– Так я тебе и поверил, я что, не видел, как ты на него вешалась?

– Послушайте, – вмешался Чернышов, которого все это начало сильно напрягать. – Можно не орать? Или я сейчас просто вытряхну отсюда вас обоих!

– Дима, ты все не так понял! – вцепилась в него девушка.

– Да пошли вы оба! Какой-то хрен гнутый приходит и начинает на меня наезжать, теперь ты...

– Да сам ты... – взвыл вдруг оскорбленный юнец и неожиданно кинулся к Чернышову, пытаясь двинуть ему в челюсть.

Чернышов легко уклонился в сторону и толкнул парня так, что тот полетел в угол, сбивая своим телом вешалку.

– Дима, не надо! – истерично завопила девушка, кидаясь к Чернышову и хватая его за руки.

– И ты двигай клешнями отсюда, манд... жареная! – разозлившись, закричал тот, отталкивая ее от себя.

Чернышов повернулся, быстро прошел в комнату и нервно выдернул из пачки сигарету.

«Блин, как же вы меня достали!» – зло подумал он, чиркая

спичкой.

В коридоре тем временем слышалась какая-то возня, но Чернышов не обращал на это внимания, просто кипя от бешенства и делая длинные затяжки. Он стоял, смотрел в окно и думал о том, какое дерьмо его окружает.

Он вдруг заметил, что стало как-то тихо.

«Свалили, что ли?» – чувствуя облегчение, подумал он.

В этот момент он представил себе ее лицо, каким увидел его впервые, и именно эта картина, неумолимо увеличиваясь в размерах, заполнила все его сознание...

Глава 1

– Котов, вставай, что ли, в конце концов! – четвертый раз раздраженно повторила Лариса, тряся мужа за плечо. – Как лялечка маленькая!

– Я лялечка? – нечленораздельно попробовал возмутиться Евгений, чмокая губами.

Однако фраза Ларисы подействовала, и он открыл наконец глаза. Он отметил про себя тот факт, что жена до сих пор его так никогда не называла. Хотя их совместная жизнь насчитывала уже десять с лишним лет.

– А какого черта вставать-то обязательно? – уже более осмысленно спросил Котов. – Сегодня же воскресенье!

– Ты забыл, что мы приглашены на торжество по поводу вручения первой литературной премии в нашей губернии? Ты же сам мне прожужжал все уши насчет этого, сетуя, что культурный уровень нашей новорусской семьи с неумолимой быстротой катится вниз!

– А?! – вспомнил наконец Котов, лениво позевывая. – Ну и что? Время-то еще совсем, наверное, детское.

– Совсем детское, – согласилась Лариса. – Всего одиннадцать утра. Между прочим, Настя уже давно встала и слушает свой магнитофон.

– Пускай слушает, – снисходительно ответил Котов. – А во сколько мероприятие-то?

– В три часа начало.

– И ты меня разбудила в одиннадцать! – возмутился Котов. – Какое свинство с твоей стороны!

– Это с твоей стороны было ужасающим свинством вчера надраться на вечеринке у Асташевских, – парировала Лариса.

– А что? – приподнялся Котов на кровати. – В конце концов люди, то есть мы с тобой и Стас с Ленкой, осознав бесперспективность холостого положения, снова соединились гармоничными парами. Я, например, очень рад за них. Надеюсь, что и они за нас тоже.

– Возможно, – со вздохом произнесла Лариса, которая еще не знала, радоваться ли ей или огорчаться по поводу того, что они с Евгением снова вместе.

Евгений в последнее время поправил свои финансовые дела, и его бизнес начал набирать обороты. Несмотря на эти успехи, которые Ларису не могли не радовать, им сопутствовал неприятный довесок в виде бутылки. Именно ей Евгений отдавал большинство своего свободного от бизнеса времени.

Ларису этот момент, естественно, не вдохновлял. И предложение посетить мероприятие, посвященное вручению премии «Золотое перо», она восприняла с энтузиазмом. Эта премия была учреждена губернатором Тарасова совсем недавно, видимо, для укрепления авторитета власти в среде творческой интеллигенции губернии. Котова пригласил на

это мероприятие старый знакомый-однокурсник Альберт Фатеев, который в настоящее время считался одним из лучших прозаиков и литературных критиков города.

Лариса, однако, подозревала, что отнюдь не стремлением к повышению своего культурного уровня продиктовано желание Котова оказаться в оперном театре, где должно было проходить мероприятие, а тем, что после официальной части там будет банкет. Именно туда-то, по всей видимости, и рвался грешный муженек Ларисы. Тем более что после вчерашней пьянки у Асташевских его организм наверняка требует «лечения подобным».

Лариса скептически посмотрела на Котова, который уже надевал свои домашние брюки, готовясь к выходу на кухню, еще раз вздохнула и вышла из спальни.

Учитывая, что банкета все равно не миновать, Лариса не стала особенно напрягаться с завтраком. В домашнем меню значились всего лишь омлет с сыром и салат из артишоков.

Евгений, выйдя на кухню, зажмурился от солнечных лучей, которые щедрым потоком лились из окна. Снаружи царил март, весна активно вступала в свои права, и хотя по ночам еще сохранялась минусовая температура, было ясно, что часы зимы сочтены.

Котов посмотрел на тарелки с салатом и скептически поморщился.

– Что, братец, похмелье? – ехидно спросила его Лариса.

Котов ничего не ответил, а налил себе из графина в стакан

компот и жадно выпил.

– Ну, вот теперь, может быть, и можно... Закурить, – сказал он после некоторой паузы. – Лара, я все равно, наверное, не буду ничего есть... Сделай мне лучше кофе. Покрепче.

– Он уже сделан, – отчеканила Лариса. – По-арабски, крепче некуда. Бедуинов, наверное, от него сердечный приступ может хватить. Я же знала, что ты после вчерашнего будешь совсем не в форме.

Котов оставил без комментариев ехидные реплики жены и потянулся к кофейнику...

* * *

– Уважаемые леди и джентльмены! – выпренно начал свою речь губернатор. – Мы здесь собрались для вручения первой премии «Золотое перо», которую мы отныне будем постоянно вручать лучшим литераторам нашей, так сказать, губернии...

«Ну и язык у властей ныне, – мысленно посетовала Лариса. – Одно косноязычие, никакой культуры речи».

– Позвольте огласить решение нашей комиссии, – продолжал тем временем глава администрации. – Первая премия в этом году досталась, можно смело заявить, классику литературы нашего времени в Поволжье. Своими глубоко философскими, предельно драматичными и правдиво-реалистичными произведениями Михаил Александрович Степкин за-

воевал заслуженное признание читателей и коллег по перу.

«Сам небось ни одной книжки не прочитал», – продолжала мысленно язвить Лариса. Откровенно говоря, она и знать не знала, что в их городе живет классик русской словесности.

– Его романы «Волею судьбы» и «Жизнь моя» по праву могут считаться вершинами современного литературного искусства. Михаил Александрович прошел трудный путь от скромного техника в научном институте до писателя-прозаика. Не сразу он осознал, что литература является его призванием. Не сразу критики оценили его творчество по достоинству. Но надо отдать должное упорству и трудолюбию этого человека, он не опустил руки, не отчаялся, а работал. И его труды вознаградились сторицей. Пять лет назад Михаил Александрович был принят в члены Союза писателей, а год назад были изданы его романы, которые вызвали большой резонанс в среде нашей интеллигенции. Примите, Михаил Александрович, этот скромный дар в признание ваших заслуг.

Губернатор замолчал, вытер лысину и отошел от трибуны. Подойдя к столу, где с важным видом сидели члены президиума, он взял в руки статуэтку и стал ждать. На губах его играла любезная улыбка.

Немного погодя на сцену бодрой походкой вышел невысокий коренастый мужчина лет пятидесяти. В профиль он выглядел довольно мужественно, по всему было видно, что он гордится наградой. Весь его вид свидетельствовал о том,

что он ни секунды не сомневается в том, что эта статуэтка досталась ему по праву.

Пожав руку губернатору, взяв статуэтку и подняв ее двумя руками вверх, он улыбнулся и повернулся к залу. Раздались аплодисменты. Сначала робкие, потом все более и более звучные.

Степкин, откашлявшись, подошел к трибуне и произнес:
– Я, хм... Благодарен присутствующим и господину губернатору за высокую оценку моего скромного труда и постараюсь в дальнейшем не разочаровать своих читателей. Я рад, что наконец учреждена эта награда. Это, на мой взгляд, свидетельствует о том, что в нашей губернии растет интерес к серьезной литературе. К литературе, свободной от конъюнктурных влияний и легковесности. А это очень важный момент. Ведь не секрет, что в последнее время российская литература переживает глубокий кризис. Наряду с действительно интересными произведениями издается масса всяческого ширпотреба, которому место в макулатуре.

Голос Степкина стал жестким, а фразы отрывистыми. Лариса огляделась и заметила, что у многих находившихся в зале лица несколько вытянулись. Скорее всего они приняли это на свой счет. В Тарасове, городе, который мог претендовать на звание интеллектуальной столицы Поволжья, писателей и поэтов было много. Скорее всего они и занимали первые ряды в театре на этом мероприятии.

– Но не это определяет лицо нашей литературы, товари-

щи, – с шумным выдохом заключил Степкин. – Я уверен, что настанет время, когда мы освободимся от макулатуры, заполнившей все книжные прилавки. И дети наши будут воспитываться на истинной литературе. Я кончил, спасибо...

И Степкин стремительно покинул трибуну, направившись к лестнице, которая вела в партер.

По залу пробежали какие-то смешки, которые, впрочем, были заглушены аплодисментами. Лариса поняла, что это было вызвано последней фразой оратора, которая прозвучала несколько двусмысленно.

– Тоже мне, классики российской словесности, – вслух произнес Котов. – Выразиться толком не умеют.

На его лице застыла гримаса скуки и недовольства. Было видно, что его напрягает не то, как высказываются с трибуны, а то, что он вынужден терпеть официальную часть мероприятия, которую бы с удовольствием проигнорировал, отдав предпочтение банкету.

Тем временем объявили второго и третьего номинантов. Ими оказались молодые писатели Андрей Бельман и Алексей Макушкин. Оба не стали растягивать свои речи, ограничившись краткими словами благодарности в адрес администрации области и лично губернатора.

Затем на сцене появились коллеги награжденных, которые оказались менее удачливыми и остались без призов. Они выступили с поздравлениями в адрес лауреатов и пожелали им творческих успехов.

Ну, а потом сцену оккупировали творческие коллективы, представившие на суд зрителей свои номера. После того как отплясал народный украинский ансамбль «Веселка», Котов заскрежетал зубами.

– Черт, сколько можно! – вырвалось у него.

– Я смотрю, ты не очень-то стремишься к культуре, Жечка, – ответила на реплику мужа Лариса, которой некоторые номера даже понравились.

– Да окультирились уже, хватит... Это все официальщина, а важно непосредственное общение. Ты же знаешь, Лара, писатели – они постоянно тусуются, общаются... В этом общении они находят порой и материал для своих романов, и вдохновение.

– Ну, правильно, – согласилась Лариса. – В бутылке находят и еще кое в чем...

– А что ты так удивляешься? Возьми хоть Пушкина, хоть Есенина... Алкоголики и блядуны!

– Да тише ты! – толкнула в бок мужа Лариса. – Все-таки в театре находишься.

– Ну и что? – пожал плечами Котов. – Потом будет банкет, увидишь, какие эти писатели в неформальной обстановке. Мне Алик Фатеев рассказывал, что одного из них после такой тусовки нашли в женском туалете в обнимку с унитазом! Причем извлек его оттуда директор нашего драмтеатра Гаврилов... Если бы не он, то лежать бы бедному писателю там до утра. Кстати, по-моему, это один из тех, кто получил

призы.

– Неужели Степкин? – неподдельно удивилась Лариса.

– Нет, насколько я знаю, Степкин – это мастодонт нашей литературы. Кажется, кто-то из молодежи...

Котов замолчал и хмуро уткнулся в программку мероприятия, прикидывая, сколько еще времени ему придется страдать.

Страдания его продолжались еще где-то около часа. Когда официальная часть завершилась, в фойе театра к Котовым подбежал толстенький усатенький человек, который, брызжа слюной и размахивая руками, воскликнул, что он чрезвычайно рад появлению их на этом мероприятии.

– Альберт Фатеев, – важно представил его Котов жене. – Критик, писатель, между прочим, не хуже всяких там Степкиных.

– Ну, это ты не надо, – засмущался Фатеев. – У Михаила Александровича очень правильные, очень нужные, я бы сказал, своевременные романы. Заслуженная награда, заслуженная...

Несмотря на его слова, Ларисе показалось, что в интонации Фатеева проскользнула ирония. Что ж, это было естественно для творческой среды, в которой каждый очень ревниво относился к успехам коллег.

– Я думаю, что вы примете участие в нашем, так сказать, партии?... – изогнувшись дугой, спросил Альберт.

– Всенепременно, – с готовностью откликнулся Котов. –

Куда проходить?

– Мероприятие будет на пятом этаже. Знаешь, где буфет?

– Да уж, где буфет, он знает, – ответила за мужа Лариса. – Я так думаю, что из-за буфета он в свое время со мной сюда и ходил. Пока не занялся бизнесом и времени стало меньше...

– Так вот, проходите мимо буфета и направо, по коридору. Там будет дверь, на которой написано «Банкетный зал». Впрочем, – Фатеев задумался, – я вас сейчас сам туда проведу. А то могут быть сложности – ведь это как бы только для своих.

И он, взяв под руки супругов, колом покотился вперед, к мраморной лестнице, ведущей на пятый этаж.

* * *

– Макушкин – горький пьяница! – зазвенел голос Андрея Бельмана, который, раскачиваясь на своих длинных ногах, облаченных в кожаные штаны, обнимал за талию какую-то девушку и не замечал, что стряхивает пепел ей прямо в декольте.

Собственно, и девушка этого не замечала, поскольку была всецело поглощена персоной красавца Андрея. Она млела, заглядывая ему в лицо.

Тут отреагировал и сам «горький пьяница» Макушкин. С трудом оторвав голову от колонны, к которой он на всякий случай прислонился, он отхлебнул из бокала шампанское и

изрек:

– А Бельман – чудовищный иудей!

Это высказывание, однако, не пригвоздило Бельмана к позорному столбу, и он весело отозвался:

– Жалкий графоман!

– Очень приятно, писатель Макушкин, – поклонился Бельману Макушкин, сам от себя не ожидавший в данный момент способности иронизировать.

Поклон дался ему с трудом, и он, чтобы окончательно не раскоординироваться в пространстве, был вынужден схватиться за колонну рукой.

– Полное собрание сочинений Макушкина сдано... В макулатуру, – подняв палец, уточнил Бельман под одобрительное хихиканье девушки.

– В макулатуру-у? – неожиданно раздался скрипучий голос главного лауреата, Степкина. – И это правильно, товарищи! Все в макулатуру, абсолютно все! У нас нет литературы, товарищи! Не-ту!

Он тоже уже порядком набрался и ходил от группы к группе, одаривая присутствующих своим вниманием. Временами у него просили автографы, которые он милостиво раздавал.

– Я-то всякой левотой не занимаюсь, – многозначительно заметил Макушкин. – В отличие от некоторых...

Его красноречивый взгляд был направлен в сторону Бельмана, которого неожиданно это покорило. Он обнял свою даму еще крепче и, состроив презрительную мину, удалился.

– Степкин – жалкое ничтожество и бездарность, – пробормотал Макушкин, одолев в конце концов бокал шампанского.

Однако сказал он это на всякий случай потише, дабы не нарываться на скандал.

– А кстати, что представляют собой эти его романы? – спросил у него Евгений.

Он уже «подлечился», и по этой причине его пробило на общение.

– Полнейший кал! – скривился Макушкин. – Пространственные рассусоливания на тему будничного героизма людей труда. В каждой главе рефреном проходит тема «Эх ты, жизнь моя, жестянка!». Автор, кажется, сам не понимает, какой серой жизнью живут его герои. По-видимому, и у него она такая же...

– Конечно, серая! – проскрипел тут снова неожиданно возникший Степкин. – Я по туалетам не валяюсь... Эх, молодежь! – рубанул он рукой воздух.

– Я попрошу без оскорбительных намеков, – пытаюсь гордо поднять голову, ответил Макушкин.

Однако сделать это ему не удалось, и он ограничился лишь поворотом в сторону Евгения.

– Давайте выпьем! Я вижу, что вы меня понимаете!

– Конечно, – с готовностью отреагировал Котов.

Лариса слушала эту внутрилитературную перебранку и снисходительно улыбалась. И тут неожиданно заметила

взгляд незнакомого молодого человека, который сидел напротив.

Это был жгучий брюнет с короткой стрижкой, высокий и широкий в плечах, в очках-хамелеонах. На левой щеке у него была большая родинка. Пожалуй, он был одним из немногих, кто был практически трезв. Лариса заметила, что он как держал наполненным бокал с шампанским, так и цедил его вот уже часа полтора.

Рядом с ним сидела достаточно бойкая молодая особа в джинсовом костюме, громко общалась с компанией, сосредоточившейся на противоположном конце стола. Время от времени она толкала в бок брюнета и что-то шептала ему на ухо. Тот, однако, весьма сдержанно на это реагировал и вел себя подчеркнуто солидно.

То, что Лариса по каким-то причинам его заинтересовала, было для нее очевидно. Сидевшему рядом с брюнетом критику и писателю Фатееву это тоже бросилось в глаза. Он с интересом следил за ситуацией. И только Котову, окончательно погрузившемуся в процесс поклонения Бахусу, это было совсем незаметно. Да и, откровенно говоря, безразлично...

Придя к таким неутешительным выводам, Лариса улыбнулась брюнету.

– Вам положить салат? – тут же откликнулся он. – По моему, на вашей стороне нет чернослива с крабами.

– Интересно было бы попробовать... Неожиданное сочетание, – сказала Лариса, в которой проснулся профессио-

нальный интерес.

Несмотря на то что ресторан «Чайка», возглавляемый ею, славился подбором самых экзотических блюд, такого салата Лариса не знала.

– Да, пожалуйста, – она протянула свою тарелку брюнету.

– Кстати, меня зовут Василий, – представился он, передавая тарелку с салатом назад.

– Лариса, – представилась она в ответ.

К этому времени его спутница пересела на противоположный конец стола, присоединившись к развеселой компании, и Василий предложил Ларисе занять ее место.

Та бросила взгляд на своего мужа, который отрывался всюю, компенсируя мучения, которые довелось ему вынести за время официальной части, невесело усмехнулась и, взяв свою тарелку, пересела к брюнету.

– Вам налить что-нибудь? – любезно спросил тот.

– Да, – неожиданно для самой себя сказала Лариса.

«В конце концов, не грустить же мне весь вечер!» – подумала она, заметив, как в этот момент уже прилично захмелевший Котов обнимает за плечи Алексея Макушкина, в лице которого нашел соратника по поглощению спиртного.

– ...За твои творческие успехи, Леха! – долетел до Ларисы очередной тост Евгения, одним махом опорожняющего бокал.

Пьяненький Макушкин жал ему руку, лепетал какие-то ответные признания и пытался дать Котову автограф, но тот

с возмутительной невоспитанностью игнорировал это похвальное начинание.

– Это ваш друг? – внимательно следя за Ларисиним взглядом, осведомился Василий.

– Муж, – коротко отозвалась она, слегка покраснев и почувствовав смущение оттого, что этот человек являлся ее законным супругом.

– Я смотрю, у вас не очень теплые отношения, – осторожно заметил Василий.

– Мне бы не хотелось обсуждать эту тему, – сухо ответила Лариса.

– Извините, я не хотел вас обидеть. Просто вдруг вспомнил свою семейную ситуацию.

– А что, у вас проблемы? – скосила взгляд Лариса в сторону девушки в джинсовом костюме, которая задорно смеялась, в то время как ее обнимал какой-то долговязый парень с прыщавым лицом.

– Да, есть такой момент, – уклончиво согласился Василий. – Нет, вы ошибаетесь, эта девушка вовсе не моя жена, – заметив взгляд Ларисы, прокомментировал он. – Влада всего лишь моя старая приятельница.

Он вдруг залпом допил шампанское и на некоторое время замолчал, уставившись куда-то в сторону.

– А вы, простите, чем занимаетесь? – решила перевести разговор на другую тему Лариса.

– Что? – очнувшись от своих мыслей, спросил Василий. –

Ах, да... Я, знаете ли, поэт. А вообще преподаю в университете, на филологическом.

– И вы знакомы со всей этой публикой? – обвела глазами зал Лариса.

– Да, конечно. Я не скажу, что здесь присутствует весь литературный Тарасов, но значительная часть так называемой литтусовки имеет место быть.

– Просто мне показалось, что вы не очень хорошо в эту тусовку вписываетесь. – Почему?

– Потому что на вашем лице я не замечаю веселья. К тому же вы почти не пьете.

– Вы думаете, этим людям весело? – иронично спросил Василий. – Если так, то вы ошибаетесь. Весело им всего лишь по той причине, что они пьяны и радуются халявной жрачке и выпивке. На самом деле здесь никто особо не рад друг другу. В творческой среде царят зависть и лицемерие.

– А вы свободны от этого?

Василий неопределенно пожал плечами и тихо сказал:

– Я все-таки стараюсь уделять больше внимания непосредственно творчеству. Хотя сейчас сложно этим заниматься, если не имеешь еще и какую-то другую работу. Некоторые пишут всякий ширпотреб по заказу, как, например, небезызвестный Бельман, – сказал он, указывая на одного из лауреатов, который в этот момент в углу уже жадно целовал в губы совершенно другую девушку, а его бывшая спутница уютно устроилась на коленях Макушкина.

От Ларисы не укрылось то, что Котов плотоядно поглядывал на нее и даже поглаживал ее ногу.

«Ах ты, старый ловелас!» – возмутилась Лариса, ловя себя на мысли, что не ощущает никакой ревности.

– А Макушкин-то ничего себе! – игриво прозвучал голос девушки, сидевшей у него на коленях.

При этом она искоса бросила взгляд на Бельмана, следя за его реакцией.

– С пивом сойдет, – не замедлил откликнуться тот.

– Ну, если я с пивом, то ты – только с «Анапой», – пытаюсь быть остроумным, ответил Макушкин.

– Ха! – только и смог отреагировать Бельман, демонстративно обнимая свою новую пассию.

– Андрюша – прелесть! – проворковала она, чмокая его в щеку.

Тут мимо Бельмана прошаркал главный лауреат вечера Степкин, который бросил на него неодобрительный взгляд и что-то пробурчал под нос. Бельман почему-то счел это бурчание личным оскорблением и заносчиво произнес:

– А ну повтори, что ты сказал, лауреат, твою мать!

– Чего? – набычился Степкин. – Язвить еще будешь, молокосос!

– Андрюша, не надо! – пыталась одернуть Бельмана его спутница.

– Чего «не надо»? – отмахнулся Андрюша. – Всякие лохи хамить, что ли, будут?

– Вот, полюбуйтесь! – торжественно указывая на Бельмана пальцем, воскликнул Степкин. – И эти люди, использующие бандитскую лексику, получают премии! И после этого мне будут говорить, что у нас в России нет литературного кризиса! И после этого утверждают, что ничего страшного не происходит! Это же пепси-культура! Поколение «некст», мать вашу!

Тут неожиданно перед ним возник нетвердо держащийся на ногах представитель этого самого поколения Алексей Макушкин. Он вдруг почувствовал, что Степкин в своей обличительной речи затронул и его, и в связи с этим его первейшим долгом является достойно ответить оппоненту. Для этого он попытался избрать выпренный стиль:

– Я полагаю, что ваши инсинуации абсолютно неконгруэнтны сложившейся в этом зале атмосфере всеобщего удовлетворения и взаимопонимания, – с пафосом произнес он, радуясь и гордясь тем, что смог, несмотря на тяжелую степень опьянения, выговорить все это.

Но... Физиология все-таки взяла свое. Произнеся эту напыщенную и витиеватую фразу, Макушкин не выдержал и рыгнул.

И эта маленькая деталь оказалась роковой. Степкин громко засмеялся и зааплодировал:

– И эти люди будут еще...

Фразу он не успел закончить по причине того, что Бельман с отчаянным криком «Бей жидов!» саданул Степкину

в его абсолютно русское крестьянское лицо. Несколько ошалевший от такого развития событий Макушкин некоторое время стоял как истукан. Но в ситуацию стремительным метеором вклинился Котов, которому явно не хватало в этот вечер острых ощущений.

Он первым поспешил на помощь молодому поколению и, встав между Бельманом и Степкиным, грозно заявил:

– Не фига наезжать на генофонд нации!

– Какой на-ции?! – презрительно спросил Степкин, пытаюсь достать Бельмана ногой.

– Российской! – гордо заявил Котов.

– Ладно, мужики, что вы в самом деле! – Василий встал со своего места и, нахмурившись, поспешил в эпицентр событий. – Потом журналисты напишут, что писатели нажрались и набили друг другу морды, не поделив статуэтку. И мы вообще лишимся губернаторского литературного фонда!

Участники свары разом повернули головы в его сторону. Они несколько секунд пытались переварить услышанное. Наконец сквозь алкогольный дурман к ним пришло-таки осознание того, что поступают они неразумно. Упоминание о деньгах моментально вернуло их на землю. Тут бы все и закончилось, но Котов, который к творческой интеллигенции не принадлежал и, соответственно, губернаторский фонд ему был абсолютно «по барабану», вдруг воспроизвел запавшую ему в память фразу:

– Жалкий графоман!

Поскольку он находился лицом к лицу со Степкиным, то последний принял это на свой счет.

— А ты-то что еще тут вякаешь? — возмутился он. — Ты кто вообще такой?

— Евгений Котов, бизнесмен, — гордо представился тот заплетающимся языком.

— Так иди и занимайся бизнесом, а сюда своим рылом не лезь! — грубо отрезал Степкин и взял Евгения за грудки.

Лариса, почувствовав, что муж вляпался в некрасивую историю, поспешила на помощь.

— Господа, господа! Не надо конфликтов! Вы же все-таки интеллигентные люди!

— Мы-то, может быть, и интеллигентные, — зло буркнул Степкин. — А вот всякие там... хм...

— Господа, давайте лучше выпьем! — возник сзади высокий седой мужчина в очках. — И поспорим о том, какая литература сейчас нужна — бульварная или антикварная.

— Ох, бросьте, Александр Владимирович, — снова рубанул рукой воздух Степкин, оборачиваясь к седому. — Вы работаете в сфере ширпотреба и радуетесь! И ваши клиенты, понимаешь, здесь бузу устраивают!

Он снова повернулся и уже был готов показать в направлении Бельмана, но его как ветром сдуло с места. Он уже успел сбегать за двумя молодыми людьми с бэйджами на груди. Они приближались к спорящим.

— Попрошу на выход! — мрачно потребовал один из охран-

ников, подойдя к ссорящимся.

Котов даже не понял, что обращаются к нему. Он был уверен, что все это адресовано Степкину, и радовался в душе, что справедливость восторжествовала. Он уже хотел было помочь молодым людям выдворить лауреата вон, как его самого взяли под белы ручки и повели к выходу.

– Стыд! Какой стыд! – качая головой, произнес с пафосом Степкин и повернулся к седому.

– Вот и я говорю, давайте лучше выпьем! – улыбнулся седой, которого звали Александром Владимировичем.

К этому предложению вскоре присоединились и Бельман с Макушкиным. Они не особо расстроились, что Евгения выдворили из зала, похлопали Степкина каждый со своей стороны по плечу и в знак примирения предложили выпить. Степкин ради приличия поломался и, шумно выдохнув, сказал:

– Давай!

Через некоторое время они уже сидели вчетвером как лучшие друзья и обсуждали какой-то очень важный вопрос современного литературного процесса.

Лариса, ощутив на себе весь позор только что пережитой сцены, извинилась перед своим новым знакомым и поспешила покинуть зал.

Василий бросил ей вслед фразу: – Я надеюсь, что вы не насовсем уходите. Мне бы хотелось с вами побеседовать.

Лариса ничего не ответила, а устремилась вслед за дву-

мя парнями, которые, несмотря на отчаянное сопротивление Котова, настойчиво вели последнего вниз по лестнице.

– Лошье! – кричал Котов, упираясь ногами в пол как только это было возможно.

Испуганный критик Фатеев семенил следом, пытаясь что-то объяснить и сгладить ситуацию. Наконец парни отпустили Котова, и тот что-то начал горячо доказывать Фатееву. Подоспевшая Лариса не стала вдаваться в подробности этого разговора, а тут же заявила:

– Сейчас же поедешь домой! А я остаюсь здесь, принципиально!

И, вытащив из кармана своего пиджака мобильный телефон, набрала номер. На счастье, Сергей, шофер, которого Котовы держали на случай всяких критических ситуаций, оказался дома. Он сообщил, что сможет быть около театра через пятнадцать минут. Лариса, которая общаться с пьяным мужем абсолютно не хотела, поручила его Фатееву, строго-настрого наказав ему, чтобы Котов не дай бог не встрял еще во что-нибудь и был благополучно погружен в машину. Фатеев закивал и увлек своего старого приятеля куда-то вниз.

– Какие невоспитанные люди эти твои писатели! – донесся до Ларисы возмущенный голос мужа. – Безобразие! Культурные люди пришли культурно отдохнуть! Пойдем лучше выпьем!

«Господи, за что же мне все это!» – подумала Лариса, воз-

вращаясь в банкетный зал.

– Нет, господин Державин категорически прав, – вещал главный лауреат Степкин, держа уже знакомого Ларисе Василия за пуговицу пиджака. – Это нужно сделать! Литературный журнал нужно поднимать. Кстати, Василий может возглавить новую редакцию.

– Да, точно! – с готовностью поддержал его Бельман. – А то этот старый козел Сперанский уже всех окончательно достал. Даже своих старых друзей.

– Таких друзей – за х... и в музей! – задорно выкрикнул представитель пепси-культуры Макушкин.

– Ладно, обо всем поговорим на очередном заседании Союза, – подвел итоги состоявшейся дискуссии Степкин и накинул на плечи черное кашемировое пальто. – Пора и честь знать!

– Вася, ты куда сейчас? – подошла к Василию бойкая девица, которую он назвал Владой.

– В семью, – как-то грустно отозвался Державин и посмотрел на Ларису.

Лицо ее было хмурым, она все еще не могла успокоиться после сцены, устроенной ее муженьком.

– Так ты меня не проводишь? – спросила тем временем Влада у Василия.

– Ты знаешь, сегодня никак не смогу, извини, – положив руку девушке на плечо, мягко ответил он.

– Как? – удивилась и даже растерялась та. – Ты меня по-

кинешь?

– Влада, я действительно не могу тебя проводить, – взяв Владу за руку, постарался убедить ее Державин. – У тебя же здесь свой круг общения, кто-нибудь из этих ребят непременно тебя проводит! Хотя бы вон тот долговязый...

Он глазами показал на прыщавого юнца, который напряженно следил за ними.

– Ну и ладно! – вздернула вдруг нос та. – Обойдусь!

Она резко выдернула свою ладонь из руки Василия и дернулась в сторону. Подбежав к долговязому, она, покачивая бедрами, подцепила его за руку и прошествовала с ним к выходу, не забыв бросить искоса взгляд на Державина.

Тот вздохнул, развел руками и с извиняющейся улыбкой повернулся к Ларисе.

– Мне кажется, вам необходимо прийти в себя, – сказал он. – Хотите, я провожу вас?

– Вы же только что сказали, что торопитесь в семью, – усмехнулась Лариса.

– Мне просто не хотелось находиться в компании Влады, – признался Державин. – А вообще у меня время есть. Кстати, как я уже говорил, у меня есть желание с вами побеседовать.

– О чем? – напрямую спросила Лариса.

– Ну... Да так ли уж важно о чем? – Он улыбнулся. – Просто мне хочется с вами пообщаться, потому что вы мне понравились. Ну что, пойдемте?

– Пойдемте, – согласилась Лариса, и они вышли из зала.

– Вон моя машина, – показал Василий на синюю «девятку», когда они оказались на улице.

– Вообще-то я живу совсем недалеко отсюда, и мы могли бы пройтись пешком, – отозвалась Лариса.

Она с удовольствием вдыхала свежий воздух, показавшийся ей особенно живительным после душной атмосферы банкетного зала. Ей вдруг захотелось развеяться.

– Отлично! – было видно, что Василий очень рад. – Вы позволите? – он согнул свою руку в локте, предлагая ее Ларисе.

Вскоре они не спеша шли по освещенной мягким светом фонарей тихой улице, специально свернув с центральной.

Одет Василий был строго, просто и элегантно. Кремовый плащ поверх серого костюма, черная рубашка и бордовый галстук.

– У вас проблемы со зрением? – спросила Лариса, бросив взгляд на его очки-хамелеоны.

– Нет, мне просто нравится носить эти очки, – ответил Державин. – Моему облику это добавляет интеллигентности. Кроме того, это память об одной девушке...

– Вы расстались?

– Это грустная история, я как-нибудь расскажу ее вам, – ответил он.

– По-моему, вам не очень-то везет в личной жизни, – заметила Лариса, намекая на отношения в его семье, о которых тот вскользь упомянул.

– Да, – согласился Василий. – Порой я и сам этому удивляюсь. Каждый раз, когда, казалось бы, есть все основания для создания нормальных отношений, что-то мешает этому. Так получилось и с моей женой.

– А у вас есть дети? – поинтересовалась Лариса, которой было несколько неудобно спрашивать у малознакомого человека напрямую, какого рода проблемы царят в его семье.

– Нет, – покачал головой Василий. – Думаю, что я еще не готов к роли отца.

– А сколько вам лет, простите?

– Двадцать семь. Но дело не в возрасте, а во внутреннем состоянии. Я считаю, что нам пока не стоит заводить детей. Тем более что... А, ладно! – Он вдруг махнул рукой и замолчал.

Ларисе показалось, что ему хочется чем-то с ней поделиться, но он не решается. Решив не вынуждать его к этому, она перевела разговор на другую тему:

– А вы давно знакомы с этой девушкой, Владой?

– Что? Ах, да! – спохватился Державин, углубившийся в какие-то явно невеселые мысли. – Владу я знаю уже лет пять. Мы познакомились в университетской библиотеке. Она была на первом курсе, я на пятом. Потом, кстати, она бросила университет. Однако считает себя жутко талантливой, – Василий иронически усмехнулся. – Она вращается в литтусовках, но, по моему мнению, как писательница ничего из себя не представляет. Да и пишет-то скорее для себя. И вообще,

Влада больше склоняется к неформальной среде.

– Мне показалось, что она на вас обиделась, – заметила Лариса.

– А, ерунда! – махнул рукой Василий. – Я куплю ей грильяж, и мир будет восстановлен. Да хватит о ней, мне бы хотелось побольше узнать о вас. Чем вы занимаетесь, Лариса, если не секрет?

– Я директор ресторана «Чайка». Слышали о таком?

– Вы? Директор ресторана? Такая красивая? – неподдельно удивился Державин.

– И что? – с вызовом произнесла Лариса. – Красивые женщины не могут быть директорами ресторанов?

– Я считаю, что неважно, кем ты работаешь... Главное для меня другое.

– Что?

– Вы мне нравитесь как женщина, – напрямую заявил Василий.

Его голос звучал отрывисто, в нем чувствовалась страсть, и Лариса ощутила на себе за стеклами «хамелеонов» его разрывающий взгляд.

Она призналась себе, что ей это приятно, хотя прозвучало слишком уж откровенно. На счастье, они уже подходили к ее дому, и ей не пришлось отвергать признание Василия.

– Ну, вот мы и пришли, – бодро произнесла она, вынимая из сумочки ключи. – Спасибо вам, что проводили меня, очень интересно было пообщаться.

– Вы не дадите мне свой телефон? – с надеждой спросил Василий.

– Если только рабочий, – помедлив, ответила Лариса, доставая свою визитку.

– Ладно, спасибо. Я позвоню вам...

Произнеся эти слова, Василий засунул визитку в карман плаща и отошел от нее шага на два.

– Привет! – бросил он ей, подняв два пальца вверх. – Я обязательно позвоню...

Глава 2

И он действительно позвонил. Позвонил через три дня после их знакомства.

К этому времени у Ларисы с Котовым окончательно испортились отношения. После вечеринки в банкетном зале оперного театра Евгений запил. Ларисе он объяснял свое поведение тем, что в его тонкую, чувствительную душу буквально наплевали «эти хамы», и ему необходимо восстановить душевное равновесие. И, приезжая вечером домой, откупоривал очередную бутылку, отдавая предпочтение любимому джину «Гордонс». Опустошив ее, Евгений становился совершенно невыносимым: он начинал придирается к Ларисе, упрекать ее в том, что она уделяет ему мало времени и вообще не поддерживает и не понимает.

В такие минуты она искренне жалела о том, что упразднили ЛТП, и старалась допоздна задерживаться на работе, чтобы пореже встречаться с мужем.

«Вот уж помирилась на свою голову!» – сокрушалась Лариса, стараясь с головой окунуться в рутинные рабочие дела и хоть некоторое время не думать о семейных проблемах.

Вот в таком состоянии ее и застал звонок Василия Державина.

– Лариса? – голос его звучал как-то вкрадчиво.

– Да, слушаю.

– Это Державин. Я обещал вам позвонить... – напомнил он.

– Рада вас слышать, – искренне ответила Лариса, но не удержалась и перешла на официальный тон: – Чем обязана?

– Мне бы хотелось с вами встретиться, – заявил он. – И я приглашаю вас к себе домой.

– Домой? А как на это отреагирует ваша жена? – выдержав паузу, спросила Лариса.

– Татьяны нет дома, она в отъезде.

– Но... – Лариса все никак не могла оправиться от недоумения. – Тем более это как-то...

– Да все нормально, – успокоил ее Василий. – Мне просто хочется с вами посидеть, поговорить. В прошлый раз вы мне доставили удовольствие, почтив своим вниманием.

В этот момент зазвонил Ларисин мобильный телефон.

– Одну минуту, – попросила она Державина, переключаясь на другого абонента: – Алло!

– Лара? – голос Евгения Котова был каким-то неуверенным.

«Уже с утра успел нажраться!» – с раздражением подумала Лариса.

– Да, что тебе? – сухо осведомилась она.

– Ты знаешь, солнышко, я сегодня, вероятно, приду поздно, – заявил Котов и после минутной паузы добавил: – А может быть, и вообще не появлюсь. У меня тут, понимаешь, дела образовались важные...

– Понятно! – усмехнулась Лариса. – Смотри, в каталажку не загреми!

После этого напутствия она отключила мобильник и вернулась к разговору с Державиным. Собственно, звонок мужа и повлиял на ее решение. Теперь, когда было абсолютно ясно, что Евгений не придет ночевать по причине «важных дел», о сути которых она догадывалась – Котов всегда любил покутить в обществе девушек легкого поведения, – Лариса подумала: «А почему бы и нет?» – и приняла приглашение Василия.

– Хорошо, я согласна, – сказала она в трубку. – Называйте адрес, я подъеду.

* * *

Василий встретил Ларису на Привокзальной площади. Он стоял возле магазина «Ласточка», держа в руках букет крупных красных тюльпанов. Увидев Ларису, вышедшую из «Вольво», он поспешил ей навстречу и широко улыбнулся. Лариса поблагодарила за цветы, и они поехали к нему домой.

– Я специально решил вас встретить, чтобы вы не плутали в поисках моего дома. Дело в том, что его не так-то просто найти.

Державины жили в частном доме за вокзалом, на склоне холма, который назывался Лысой горой. Он находился в некотором отдалении от других построек, как бы на отшибе.

Среди остальных домов он выделялся новыми наличниками и стеклами-хамелеонами, которые микшировали свет. Это новшество евродизайна многим жителям этого района было не по карману. При доме был небольшой садовый участок, соток шесть, на аккуратной зеленой калитке висела табличка «Во дворе злая собака».

Когда Лариса с Василием зашли внутрь, навстречу им выбежала отнюдь не огромная псина наподобие волкодава, а довольно симпатичная зверюшка, больше напоминавшая продукцию фабрики игрушек. Болонка подпрыгивала на задних лапках и что-то весело тьякала, приветствуя хозяина. Она повиливала хвостиком и довольно посапывала черненьким, похожим на пуговку, носиком.

– И это вы называете злой собакой? – иронично поинтересовалась Лариса.

– Табличка осталась от прежних хозяев, и мы решили ее не снимать. Дом этот мы купили два года назад.

Когда Лариса вошла внутрь, она обратила внимание, что все помещение было буквально вычищено до блеска. Во всем облике квартиры чувствовалось то, что обычно называют мещанством. Об этом свидетельствовали салфеточки везде и всюду – веяло добротной брежневской стариной. Фаянсовые статуэтки в виде пастушек дополняли картину. В гостиной висела большая свадебная фотография Василия и Татьяны.

На фотографии жена Василия выглядела довольно мило

– высокая блондинка с задорными кудряшками, серые глаза ее светились любовью к мужу.

Короче, она была из тех, на которых женятся. Лариса давно обратила внимание, что утонченные творческие натуры, наподобие Василия, часто выбирают себе жен, являющихся полной противоположностью им самим. На таких женщин они всегда могут надеяться, не обладая сами достаточными деловыми качествами. С такими заботливыми женами они чувствуют себя очень удобно, сидя в кресле с газетой в руках и чашкой кофе.

– Кстати, я не проверил почту, – спохватился Державин.

Он вышел за калитку, оставив Ларису в комнате. Предоставленная себе, она начала осматривать дом.

С потолка свисала большая люстра из цветного стекла с вентилятором. На огромном телевизоре «Самсунг» стояла бронзовая статуя какого-то японского божества. На стене над телевизором в дорогой раме висела репродукция Сикстинской мадонны. На противоположной стене висел плакат с изображением Киркорова и Пугачевой.

В вазочках стояли букеты искусственных цветов. Если бы этих венков было поменьше, это, возможно, как-то еще смотрелось, но у Ларисы сложилось впечатление, что хозяйка дома при всей своей деловитости не знала чувства меры и не имела способности к оформлению собственного жилья.

Лариса стояла в центре комнаты, когда появился Василий. Его вид показался ей несколько озабоченным. В руках он нес

какие-то бумаги.

– Простите, я сейчас, одну минуту, – быстро сказал он, проходя в соседнюю комнату.

Через пару минут он вернулся и еще раз извинился перед Ларисой.

– У вас какие-то неприятности? – тихо спросила она.

– С чего вы взяли? – вопросом на вопрос ответил он и как-то деланно засмеялся. – Да нет, все нормально. Все просто замечательно. Давайте лучше выпьем, Лариса.

При этой фразе она сразу же вспомнила Евгения. Но у Василия это предложение прозвучало совсем по-другому.

Они сидели за круглым столом, накрытым белоснежной скатертью, и разговаривали вот уже с час, обо всем сразу и как бы ни о чем. Лариса отметила, что Василий приятный собеседник, хорошо ориентирующийся во многих вопросах.

– А что это за статуэтка? – повернулась она к телевизору.

– Это Бодхисатва, – ответил Василий. – Его культ распространился в Тибете и Монголии. Особо продвинутые мастера буддизма, почти святые, из великого сострадания к окружающим отказывались от нирваны, от ни с чем не сравнимого блаженства. Для того, чтобы другим, близким и дальним своим, погрязшим в грехе и несчастьях, помочь достичь просветления...

– И что же, глядя на эту статую, вы хотите достичь просветления?

– Отнюдь нет, – покачав головой, сказал Державин. – За-

нимаясь медитацией, ты можешь использовать эту статую как магистральную дорогу к светлым мирам. А медитация – вещь очень тонкая, нужно очистить свой ум и сердце. Только тогда Бодхисатва будет проводником в иные, более светлые миры... Ты хочешь слишком простого пути.

– А мы что, уже перешли на ты? – удивилась Лариса.

– Когда мы находимся рядом с таким величием Востока, на вы можно называть только Бодхисатву, – объяснил молодой человек. – А меня ты можешь спокойно называть на ты.

Василий включил светильник, который наполнил комнату приглушенным, мягким светом, создав атмосферу интима и легкой таинственности. Налив в бокалы шампанское, Василий предложил тост за Ларису.

Она потягивала вино, откинувшись на спинку кресла, и ловила себя на мысли, что эта обстановка ее расслабляет и чувствует она себя удивительно легко и непринужденно.

– Надо же, мне так легко с тобой, словно мы знакомы много лет, – эта фраза Василия прозвучала в унисон Ларисиным мыслям и вывела ее из состояния какой-то неги.

Он внезапно встал, держа в руках бокал, и подошел к ее креслу. Сев на подлокотник, он обнял Ларису за плечи и начал гладить ее шею. Неожиданно для самой себя она почувствовала, что у нее участилось дыхание. Василий, ощутив это, перешел к более решительным действиям. Рука его скользнула ниже.

Однако Лариса мягко, но решительно отстранила его ру-

ку. Василий, несколько не смущаясь, протянул руку к столу, взял оттуда бутылку шампанского и подлил Ларисе в бокал.

– Выпьем за любовь! – с неожиданным пафосом воскликнул он.

– Любовь? Вы думаете, что это возможно после нескольких часов общения? – иронично спросила Лариса.

Василий вздохнул, обошел стол и сел на свое прежнее место. Отхлебнув глоток шампанского, он закурил и сказал:

– Любовь бывает разной. И она отнюдь не такая, какой мы ее порой хотим видеть через призму ханжеской морали. К тому же матушка-природа, увы, не предусмотрела целомудрия. Достаточно знать основы естествознания. Целомудрие противоестественно, это культурный нарост... Другой вопрос, что не надо опускаться до скотства. Для меня, например, чистый секс – это скотство. Нужно любить, и неважно, окажется ли это любовью на один час, на неделю или на всю жизнь! Главное, чтобы была любовь. Пускай самое маленькое, но чувство. Вот мы с тобой видимся второй раз, но я ощущаю флюиды, которые меня неумолимо влекут к тебе...

– Это неудивительно, – усмехнулась Лариса. – К тому же за окном весна – сами понимаете, вы же намекали на естествознание.

Василий в свою очередь тоже ухмыльнулся.

– Понимаешь, культура сделала из самки женщину, а из самца – мужчину, – продолжал вещать он. – А инстинкт размножения люди превратили в удовольствие. Высокие натуры

ищут в этом удовольствии любовь, более грубые – простое освобождение от физиологического груза. Но, к сожалению, культура наложила на многих стягивающие обручи ханжества и ненужных условностей... Надеюсь, ты не ханжа?

– Я, конечно, не ханжа, но не с первым же встречным! – ответила с улыбкой Лариса. – К тому же вы все-таки женатый человек!

– Какое это имеет значение, когда речь идет о чувствах? – проникновенно спросил Василий.

– А что, к жене у вас совсем не осталось никаких чувств? Василий задумался и после некоторой паузы сказал:

– Тут совсем другое дело. Я не могу сказать, что не питаю к ней совсем ничего, но как женщина она мне стала малоинтересна. Ведь каждая женщина – это особый мир, и одна совершенно не похожа на другую.

– А чем занимается ваша жена? – спросила Лариса.

– Моя жена – бизнесмен средней руки, – ответил Василий. – Ездит за рубеж, покупает товары для сбыта на наших рынках. Раньше торговала сама, теперь держит пять точек...

Лариса подняла глаза на Василия и пристально посмотрела на него, пытаясь что-то отыскать в его глазах. Но они были скрыты «хамелеонами».

Тем не менее она заметила на его лице состояние какой-то тревоги. Он вдруг резко залпом выпил шампанское, извинился и вышел на кухню.

«Что за странности с ним происходят?» – подумала Лари-

са. Может быть, он рассчитывал на то, что она с легкостью отдастся ему, а теперь переживает? Хотя нет... Это выражение тревоги на его лице она заметила уже тогда, когда он вернулся в дом с почтой.

И ее охватило любопытство. Она прошла в соседнюю комнату, которая, по всей видимости, служила Василию рабочим кабинетом. Ее взгляд сразу же упал на бумаги, лежавшие на письменном столе. Именно их и нес в руках Державин.

При других обстоятельствах Лариса бы и не подумала читать чужие бумаги, но поскольку конверт был вскрыт, письмо лежало прямо на столе и текст его бросался в глаза, то она, увидев первые строчки, не могла удержаться...

«Я ВСЕ РАВНО ЕЕ УБЬЮ!!! Убью Татьяну, твою жену! Мне доставит большое удовольствие наблюдать за твоими страданиями. Возможно, даже когда ты будешь читать строки этого письма, я буду где-то неподалеку наблюдать за выражением твоего лица... Конечно, я могла бы просто подстеречь тебя и убить, а потом склониться над твоим мертвым телом и с жадностью и сладострастием слизывать кровь с твоих ран! Но... Я люблю тебя так, как никто никогда не будет любить. Ты для меня самое дорогое и святое, что только может быть на этой грешной земле. Да, я и сама понимаю, что это непонятная, странная и безумная любовь... Мне давно надо было бы позабыть тебя и вычеркнуть из своей жизни, но я ничего не могу с собой поделать! Что ж, до момента истины осталось совсем немного... Готовься и трепещи. НОЧНАЯ

КОБРА».

Лариса невольно передернулась, прочтя эти строки. Что это – бред сивой кобылы, глупый розыгрыш или выверты человека, место которому в психбольнице?

– Что ты тут делаешь? – вдруг резко прозвучал за спиной Ларисы голос Василия.

Она от неожиданности вздрогнула. Потом медленно повернулась и посмотрела прямо в лицо Державину.

– Из-за этого ты так расстроился? – спросила она, незаметно для себя переходя с ним на ты.

– Вообще-то тебя это не касается, – отрезал он и выхватил у Ларисы письмо, пытаясь засунуть его обратно в конверт.

– Ты в милицию обращался?

– Нет, я уверен, что это просто глупые шутки.

– Чьи?

– Мало ли кому может прийти в голову такая ерунда? Я же возвращаюсь в обществе филологов. А среди них очень много людей с психическими отклонениями. И недоброжелателей у меня очень много. Пойдем лучше обратно в гостиную – там еще, кажется, осталось шампанское...

И, мягко обняв Ларису за плечи, Василий повел ее назад. После того как была выпита очередная порция вина, Лариса вдруг вспомнила, что при первой встрече Державин говорил о том, что его очки-«хамелеоны» являются памятью о какой-то девушке.

– Василий, а ты говорил о какой-то печальной истории,

связанной с девушкой. Может быть, это все ее рук дело? – кивнула она в сторону кабинета.

– Эта грустная история случилась еще до жены, – ответил Василий. – Это была моя первая любовь, нам тогда обоим было по шестнадцать. Жил я тогда в Дольске, это в восьмидесяти километрах отсюда. Она жила по соседству, мы учились с ней в одном классе, сидели за одной партой. Словом, типичный школьный роман... Мы с Юлей страстно любили друг друга, но потом я к ней охладел. А она... – Он помедлил. – Ну, словом, она угрожала мне самоубийством.

– И чем же все кончилось?

– Я, конечно, долго не мог ее бросить, я действительно боялся, что она что-нибудь сделает над собой, у нее была слабая нервная система. Я постарался ей внушить мысль о том, что она красивая девушка, которая может еще встретить своего мужчину. Но с психикой у нее было не все в порядке... Ей пришлось даже некоторое время полежать в психушке. Сейчас вроде бы у нее все нормально.

– Так это не может быть она? – Лариса кивнула на письма.

– В принципе я не исключаю подобный вариант, – подумав, сказал Державин. – Но если вдруг даже это и она, то в таком случае угрозы несерьезны.

– Ты уверен?

– Прошло уже восемь лет, – коротко ответил Василий.

– Люди с неустойчивой нервной системой склонны к образованию так называемых сверхценных идей, – заметила Ла-

риса. – Может быть, ты для нее и есть эта самая идея. Это первое письмо, раньше не было ничего подобного?

Василий как-то замешкался, помрачнел еще больше и с неохотой ответил:

– Это уже третье... Черт побери! – неожиданно взорвался он. – Эта «Ночная Кобра», о которой я знать не знаю, описывала с мельчайшими подробностями то, как я провел день, чем, к примеру, завтракал и даже как занимался сексом с женой!

– Может быть, она наблюдает за вами из дома напротив? – высказала свое предположение Лариса. – Вы закрываете шторы?

– Дело в том, что окно спальни выходит на глухую стену. В дом пробраться невозможно, так как края забора покрыты осколками битого стекла.

– Для опытного вора эти примитивные осколки стекла не составляют большой преграды, – возразила Лариса. – Даже мелкие воришки знают, что если использовать специальную обувь или просто уметь лазить по заборах, то можно, совсем не поранившись, проникнуть в дом.

– А я чувствую, что тебя эта история заинтересовала, – Василий поднял на Ларису глаза и посмотрел как-то даже насмешливо.

– Ты знаешь, о чем я сейчас подумала? – не обращая внимания на его насмешливый тон, серьезно спросила Лариса.

– О чем же?

– Что неплохо было бы осмотреть дом. Я хочу сказать, что откуда-то она знает подробности твоего быта, – пояснила Лариса свою мысль.

– Хм... – Василий задумчиво поскреб подбородок, потом решительно взял ее за руку и сказал: – Пошли!

Он провел Ларису в небольшую комнатку. Окна ее действительно выходили на глухую стену. Рядом не было даже дерева, чтобы залезть и подсматривать. Причем окна находились довольно высоко от земли, так что наблюдать со двора, если туда проникнуть, не было никакой возможности.

Лариса осмотрела безвкусно обставленную спальню – ну, в самом деле, не в шкафу же она пряталась! И вдруг взгляд ее неожиданно упал на дырочку в потолке.

– Смотри сюда! – воскликнула она и указала пальцем на потолок.

Василий, нахмурившись, воззрился в указанном направлении. Они оба несколько секунд молча смотрели на щель.

– В самом деле, можно сойти с ума, – сказала наконец Лариса.

Василий неожиданно разразился бранью в адрес Юли.

– Как можно попасть на чердак? – спросила Лариса извергавшего ругательства Василия.

– Через кладовку вверх по лестнице.

– Идем!

Они вышли во двор и вскоре попали на чердак. Кладовая находилась во дворе и была не заперта. Таким образом, че-

ловек, попавший во двор, легко мог бы проникнуть на чердак.

Деревянный настил скрипел при каждом их шаге. Лариса прикинула в уме, где может находиться дыра, увиденная ею в спальне.

Вскоре они с Державиным уже склонились над ней. Лариса прикинула глазом к аккуратному круглому отверстию и убедилась, что через него легко можно рассмотреть, что происходит в спальне. Рядом с ним валялась какая-то кнопка, которая являлась деталью одежды. Она была явно от чего-то женского, с фирменной надписью «Форестье». Лариса констатировала, что впервые встречает подобное название.

Василий легонько отстранил ее и припал к дырке. Та же в свою очередь заинтересовалась кнопкой. Повертев ее в руках, она положила ее в карман, решив не обращать на нее внимание и без того встревоженного Державина.

Василий же, закончив осмотр, бросил на Ларису загадочный взгляд, и неожиданно в черных зрачках плутоватого донжуана запрыгали веселые чертики. Здесь, в полумраке чердака, Лариса восприняла его желание, еще не высказанное вслух, как нечто пугающее.

Державин на полшага подался вперед, и его рука уверенно потянулась к пряди Ларисиных волос.

– Я только хотел поправить, – глухо отозвался Василий, когда она дернулась в сторону. – Что с тобой?

Не обращая внимания на то, что Лариса явно не была рас-

положена в данный момент к подобным проявлениям, он все ближе придвигался к ней. Как-то спокойно наклонился и поцеловал ее в шею.

– Не надо, Василий. – Она отвела его руку от своего бедра. Но он еще крепче сжал ее в своих объятиях.

– Не надо! – уже более настойчиво произнесла она, глядя в глаза Державину.

– Почему? – спросил он, продолжая исследовать руками ее тело.

– Я не хочу этого сейчас.

В этот момент она с силой оттолкнула Державина и направилась к выходу с чердака.

Немного погодя они удобно расположились в гостиной и попивали кофе. Она уже более спокойно смотрела на недавние поползновения Державина.

– Это скорее всего просто плод больного воображения, не более того, – вернулась к теме Лариса. – Может быть, эта «кобра» и побывала здесь, на чердаке... Иначе откуда она знает интимные подробности. Просто надо завести более злую собаку, соответствующую надписи на табличке. Насколько я знаю, такие личности, как твоя Юлия, только горазды угрожать, а совершить преступление – на это у них кишка тонка.

– А вот я уже так не думаю... – возразил вдруг Василий. – Дело в том, что она побывала в психушке, после того как мы расстались. Я не могу доверять ее психике – мало ли что там

может проявиться.

– Когда ты видел ее последний раз? – спросила Лариса.

– Семь лет назад, – спокойно ответил Василий и усмехнулся. – Это было еще в Дольске. Сейчас, как я знаю, она живет в Тарасове, но мы с ней так ни разу и не столкнулись.

– Если она после стольких лет никак не успокоится, значит, с крышей у нее действительно беда, – задумчиво сказала Лариса, отставила чашку с кофе и поднялась с места. – Мне сейчас пора. Но все это необходимо тщательно обдумать.

– Ты собираешься размышлять на эту тему? – удивился Василий. – Тебя же это совершенно не касается.

– А у меня такое хобби, – улыбнулась Лариса. – Мне, знаешь ли, не раз приходилось принимать участие во всяких запутанных историях. И нравилось находить правильные ответы.

– Ну что ж, если эта история поможет мне чаще тебя видеть, то я ничего не имею против, – сказал Василий. – Только не вздумай снова приставать ко мне, – предупредила его Лариса. – Если я захочу, то сама пристану.

– Ты привыкла играть активную роль?

– Да, и практически во всем, – ответила она и направилась к выходу.

Глава 3

Когда Лариса вернулась домой, Евгения еще не было.

«Что ж, это неудивительно», – усмехнулась она и прошла в свою комнату переодеваться. Если Евгений говорит, что будет поздно, это вполне может означать, что он вообще не придет ночевать.

Лариса давно уже с этим смирилась, в принципе она была даже рада провести ночь одна, потому что в атмосфере алкогольных паров, которые в изобилии исходили от храпящего Евгения, выспаться вообще не удавалось.

Она прошла в Настину комнату. Дочь сидела за компьютером и увлеченно занималась какой-то новой игрой.

– Настя, ужинать будешь? – спросила Лариса.

Дочь покачала головой, не оборачиваясь. Мать вздохнула и прошла в кухню.

На ужин ей захотелось приготовить что-нибудь легкое, и желательно из морепродуктов. Решив, что коктейль из креветок будет как раз то, что надо, она с увлечением занялась приготовлением ужина. Результат превзошел все ожидания, и у Ларисы даже поднялось настроение после еды.

Она отодвинула тарелку и задумалась о сегодняшнем вечере. Как ни странно, но она больше думала не о Василии, а о его жене. И не только о ней, а еще и о таинственной Юлии Костиковой, первой любви Державина.

Странно, в судьбе этого человека имели место две столь разные женщины. Лариса не была знакома ни с одной, ни с другой, но по его описаниям начала осознавать разницу между ними.

Если Татьяна, судя по словам Василия, любила его ровной, спокойной любовью примерной жены, то у Юлии это была какая-то болезненная страсть. После семи лет разлуки испытывать такие сильные чувства...

Лариса вспомнила свои отношения с Котовым, с которым было прожито более десяти лет, и подумала, что бы почувствовала, если б узнала, что его безумно любит какая-нибудь женщина и хочет быть с ним.

«Господи! – взмолилась Лариса. – Да хоть бы оно так и было, я бы, возможно, только успокоилась!»

И тут, как черт, которого только помяни, появился Евгений собственной персоной. Такого эффектного появления Лариса не помнила давно.

После звонка в дверь на экране домофона возникла встрепанная физиономия Николая Ястребова, президента банка «Двадцать первый век», который финансировал новые бизнес-проекты Евгения.

Лариса, предчувствуя недоброе, спустилась вниз. Открыв дверь, она увидела, как еле стоящий на ногах Ястребов с трудом поддерживает Евгения, который, пьяно покачиваясь, машет каким-то предметом, зажатым в руке. При ближайшем рассмотрении оказалось, что этим предметом является

его собственный башмак, густо перемазанный жуткой грязью, которой, как Лариса твердо знала, не было в радиусе пяти километров от их дома.

Завидев свою благоверную, Котов оттолкнул Ястребова и попытался было продвинуться к Ларисе, но оказалось, что это движение для него чревато самыми плачевными последствиями. Евгения неотвратимо качнуло в сторону, и он красочно вписался в стену, оглашая воздух проклятиями, девяносто процентов которых составляла матерная брань.

– Эт-то что такое? – наконец выдавила из себя Лариса.

– Это я! – радостно провозгласил Котов. – Кгр-ммм...

Его красноречивую тираду увенчало басовитое икание, от которого содрогнулись стены подъезда.

– Боже мой! – только и смогла выговорить Лариса. – Боже мой! Ты же совершенно пьян!

– Кто? – искренне изумился Котов и, чтобы снять с себя нелепые подозрения, дыхнул на нее.

Он, конечно же, сжевал целую кучу жевательной резинки «Орбит» тройной свежести, но то ли «Орбит» был не очень свежим, то ли Котов до этого принял слишком много, но Лариса чуть не упала.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.